

Юрий Луценко

**ВОЗВРАЩЕНИЕ
ИЗГОЯ**

Драма

Юрий Луценко

Возвращение изгоя. Драма

«Издательские решения»

Луценко Ю.

Возвращение изгоя. Драма / Ю. Луценко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859474-8

Странное все же существо — человек. Его способность привыкания к условиям, как среде для физического обитания, так и морально-психологических возможностей своих действий поистине поразительны. Мы в те времена были обречены. Обречены из-за того, что выразили тем или иным способом свое несогласие с политикой «Партии и Правительства». Такое тогда никому не прощалось...

ISBN 978-5-44-859474-8

© Луценко Ю.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
– Глава 1 —	8
– Глава 2 —	10
– Глава 3 —	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Возвращение изгоя

Драма

Юрий Луценко

© Юрий Луценко, 2017

ISBN 978-5-4485-9474-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Дорогая Марина! Не удивляйся, пожалуйста, столь фамильярному обращению незнакомого тебе человека. Мы были с тобой когда-то знакомы. Я изредка бывал в Вашем доме, когда мне удавалось урвать время при редких командировках в Москву из моей Рязани. Это было в те времена, когда ты была ещё совсем маленькой девочкой, и, конечно же, жив был ещё твой папа. Мы были с Фёдором Фёдоровичем в прежнее время очень дружны, несмотря на значительную разницу в возрасте. Ты, как мне помнится, родилась в одном году с моим сыном, (а он сейчас уже вполне зрелый мужчина, в самом расцвете сил). Сейчас уже тебе можно рассказать всё, что во времена твоей юности для тебя знать было совсем небезопасно, а полуправда была бы оскорбительна для такого человека, как твой отец. По этим причинам я ничего вразумительного не мог ответить тебе на твои вопросы в последний свой приезд к вам (это было, как мне помнится в году в 75-м или в 76-м). Но вопрос был задан и я обязан на него ответить. Я тогда с большим трудом разыскал остатки вашей семьи в новой квартире на улице Островитянова, куда вы переехали из своей комнаты на Университетском проспекте. Ты тогда сдавала выпускные экзамены в школе, была настроена по-боевому и полна оптимизма. Грядущие перемены и вся жизнь взрослого человека тебя совсем не пугали. И, потому, что я явился к Вам из далёкого прошлого. Тема разговоров в тот вечер вполне естественно была только о том, что связывало нас – об этом прошлом и о твоём папе – Фёдоре Фёдоровиче. Мама твоя на ходу шепнула мне, чтобы я не смущал тебя своими воспоминаниями... И с тех пор прошло уже много лет. Сейчас я уже не связан ни советскими условностями, ни политическими соображениями. Настало уже то время, когда нужно торопиться раздавать долги – как говорят «собирать камни».

В этой повести многое о том времени, о среде нашего обитания и о твоём отце: всё, что я о нём знал, что слышал от него самого. И о том, какое место занимал он в моей жизни. Здесь ничего не придумано и не приукрашено. Имена и фамилии названы настоящие, могут быть допущены незначительные погрешности за счёт пробелов или искажений в моей памяти.

Фёдор Фёдорович Красовский с дочерью Мариной

– Глава 1 –

Старенький альбом у меня на настенной полке заполнен до отказа фотографиями. Прожито много. Свидетелей тому не счесть.

В основном фотографии черно-белые.

Много выцветавших, с едва различимыми чертами лиц и силуэтами фигур. Но для меня это имеет мало значения.

Эти фотографии – реликвии, их значения для меня не теряется со временем, а иногда и наоборот – становится важнее и весомее. И пусть остался лишь силуэт, на слинявшем от времени снимке, но он от долгого с ним общения живет уже самостоятельной жизнью, продолжая жизнь своего оригинала, становится «намолен», хоть этот термин употребляют, правда, когда говорят об иконах.

Для меня это уже не снимки, а то, что у русского народа называют «образы».

И они, дороги мне именно такие, какие сохранились со всеми их техническими изъянами. На них следы близких мне людей, многие из которых давно ушли из этого мира, но для меня остаются всегда живыми.

Личности эти оставили свой след в моей памяти, в моей душе, в моей биографии и ушли дальше для исполнения своего самостоятельного предназначения в мире, заполнения своих самостоятельных биографий, заняли свое место в бесконечности судеб, как песчинки в пустыне. Я убежден в том, что каждый из них оставил свой след, пусть даже самый маленький и невидимый для нас, простых смертных.

Свой старенький альбом я берегу, охраняю от посягательств любопытных и от вторжения случайных людей.

Я люблю заглядывать иногда туда, как в пантеон для общения с теми, кто там обитает.

В то же время он для меня и своеобразная машина времени.

Можно при его помощи запросто уйти из сегодня назад в прошлое столетие и даже еще дальше!

Там живут мои предки, посетившие этот мир более чем полтора века тому назад. Они запечатлены на снимках совсем еще молодыми, статными и красивыми. А уходили ведь они по нашим меркам очень давно – на заре нашего века.

Их не помнила даже моя мама, родившаяся в первом году девятнадцатого века!

А я сейчас чувствую тепло в своих пальцах, когда прикасаюсь к их лицам!

Там есть, конечно, и мои родители совсем еще молодые. Намного моложе, чем я сегодня. И я с пухлячком во рту.

А еще: мы – четверо малышей, выстроенные по росту...

Однако в альбоме фотографии целой эпохи нет.

Это эпоха белых пятен.

Время, вычеркнутое из наших биографий.

Одно из самых сокровенных, но неисполнимых моих желаний в этом мире, восстановить фотоснимки той поры.

А вот на снимках, изъятых из альбомов твоего, Марина, отца, было много людей, которых знала тогда вся страна. Часть из них, этих снимков, оказалась бы исторической ценностью.

Их должно быть уничтожили тогда еще в довоенные годы.

Мои фотографии того времени сожжены на кострах военного времени, увезены куда-то за границу, подальше от глаз чекистов или хранятся в нескораемых сейфах архивов следственных отделов, где-нибудь на Лубянке.

В эти сейфы нам дорога закрыта...

И душа порой тоскует и по тем фотографиям, как по живым людям!

Так, по-видимому, тянут души родителей не погребенные останки их детей, нашедших свой конец в чужих землях.

– Глава 2 –

А вот здесь и несколько снимков от послевоенных лет и времен «политической оттепели».

Часть их ОТТУДА, с ТЕХ времен, с ТОЙ эпохи

А больше снимков, конечно же, с более позднего времени со времени ОТНОСИТЕЛЬНОЙ СВОБОДЫ. Времени нашего притирания к жизни общества, времени привыкания существования в нем.

Времени недомолвок и тайн.

Когда всю правду можно было узнать, читая, газеты и частные письма «между строк».

Мы были похожи тогда на людей, которые учатся самостоятельно ходить.

Особое место в альбоме отведено фотографии твоего папы – Федора Федоровича.

И ты с ним, как приложение.

Ты конечно и не знала того, что для него тоже то время было периодом притирания к новым условиям жизни...

На ваших лицах в фотоизображении нет ничего фальшивого, ничего, сотворенного для родственников, как наши фуражки для прикрытия тюремного «полубокса» Присутствие детского личика сделало весь снимок естественным и защитило его от фальши.

Тебе не нужно было казаться какой-то.

Ты такая и была. Да и самим фактом своего появления тогда на свет ты оказала неоценимую услугу своему родителю. С тобой и благодаря тебе твоему папе удалось быстрее ассимилироваться, притереться, войти в среду людей живущих в своей эпохе.

Я очень надеюсь, что когда ты прочтешь мое повествование, то глубже поймешь свою роль в его жизни.

И все же о мелочах: опытный глаз бы отметил, как теперь говорят, некоторую неадекватность действительности на этом снимке, а именно – если бы все в его жизни было в порядке – не должно бы быть на лацкане его пиджака вот этих ромбиков.

Я говорю не о праве его на них.

Все правильно и законно – он закончил три технических факультета. Даже больше – было у него четыре курса еще четвертого.

Он их, эти курсы технических вузов щелкал, как орехи, да по паре одновременно – занимался на двух факультетах сразу параллельно, для экономии времени по разным там общеобразовательным предметам – диаматам и историям Коммунистической партии.

На снимке у него два ромбика. А был еще и третий, вот только дочь его где-то пристроила среди своих игрушек...

Получив свободу, он сразу же – восстановил дипломы, подтверждающие образование. А при них получил и ромбики, которых в его время, еще не было

Суть здесь, в данном случае конечно не в ромбиках, а в другом – в признаках синдрома внутреннего состояния и постоянного ощущения себя чужим в этом мире среди своих граждан.

Значки учебных заведений, в те годы, уже носили некоторое время, только, так называемые «молодые специалисты», те, кто только что закончил институт и получил их, как приложение к диплому. Эта молодежь тоже «притиралась» к новой роли и значимости своей в обществе. Но только по-иному. Им хотелось показать всем окружающим, что они уже перешли как бы в другую весовую категорию этими значками. Они косились сами на эти значки, гляделись в зеркале, как молодые лейтенанты на только что пришитые золотые погоны. Со временем парадные погоны поменялись на будничные – защитного цвета, а ромбики были убраны куда-нибудь в старую шкатулку. И начинался новый период в жизни

Прости – это не упрек и, тем более, не ехидный посыл в адрес дорогого тебе человека. Это подсказка о едва заметных признаках синдрома болезни, породившей всех нас, прошедших через ЭТО.

Подумай, каково ему было жить в новых условиях жизни после более, чем двадцати годах сталинских застенков!

Шрамы на душах остаются навсегда.

Они могут только зарубцеваться.

Мы все себя тогда так неуютно чувствовали в обществе – «на воле».

Но как ни парадоксально, все же именно те годы, когда росла ты, годы в конце ЕГО жизни, по-видимому, были самыми для него счастливыми в жизни.

Он был очень сильным человеком, неординарной личностью, с непоколебимой порядочностью, проявляемой независимо от условий, в которых находился, и с неукротимой жаждой справедливости.

Эти качества человеку тяжело нести в себе всегда, а тем более в неволе.

Отступиться же от принципов не могли заставить его ни два года следственных экспериментов над ним, ни двадцать три года каторжного существования.

В 1956 году твоего отца реабилитировали. По закону полагалось вернуть ему все, что было им утрачено.

Он же был очень скромн в своих потребностях.

Ничего не потребовал, хотя имел на это право. Принимал только то, чем наделили чиновники сами от своих щедрот.

Восстановили в правах, представили одну комнату в Москве взамен огромной квартиры, что он утратил, чего же желать еще человеку после того времени, когда не имел ничего?

Кажется, даже какой-то чиновник извинился перед ним за «ошибки» своих предшественников.

Ему назначили пенсию в размере 120 рублей, что было довольно прилично по тому времени.

Он успел еще многое: но главное из всего – женился и участвовал в создании вот этого чуда, что сидит рядом с ним на фотографии.

Чудо, это тогда уже в ранние, детские годы поражаало окружающих умом и рассудительностью поживших на свете людей.

Чудо – Чудо!

Как же сложилась твоя жизнь? Что сумел от своей необычной генной системы по наследству передать тебе твой отец?

Чего же ты достигла в борьбе за существование, без поддержки отца, так рано тебя оставившего, кроме фамилии, хоть она и не так редка в нашем обществе, и тобой она уж, безусловно, утрачена при замужестве?

Такова ваша женская доля.

А нас с Федором Федоровичем судьба свела весной пятидесятого года.

Мои дела к тому времени были на временном подъеме.

Подъеме, не столь значительном, когда вырастают крылья и становится возможным менять судьбу по своему желанию, но наступила лучшая пора из тех, что только возможна была для политического заключенного в период бериевского правления лагерями.

Это было на Воркуте.

Сейчас еще этот северный край не пользуется хорошей славой, а тогда только упоминание о тех местах могло лишить сна человека впечатлительного.

И закономерность чередования благоприятных полос существования, и благорасположения к себе высших сил с неблагоприятными, я уловил давно в самые критические периоды своей жизни. И полагал это одним из важнейших своих в те времена открытий.

Я думал тогда, что эти полосы, зависели то ли от расположения планет, то ли от погоды, то ли Бог знает еще от чего (или от Кого) и совершенно никак не могли измениться от стараний самой личности.

Наоборот. Часто вопреки нашим стараниям, с какой-то злой иронией, даже казалось – насмешкой, кто-то специально расстраивал наши планы и низводил наши потуги изменить что-нибудь в своей судьбе, к полному краху.

И обратно – иногда начиналось время везения.

Ни с того, ни с сего. Без видимых причин.

Просто потому, что наступил вот такой период жизни.

Без всякого повода, казалось бы даже без права моего на такое везение.

Фатализм какой-то?

Но это действительно так! Я убеждался в этом с каждым годом все более. И с этим приходилось считаться. И еще всегда быть готовым к самым неожиданным переменам.

В обычной жизни люди мало на это обращают внимания.

В том году, уже с самой ранней весны, или вернее в самом конце зимы, по воркутинскому исчислению, после очередной темной полосы – «ямы», начался для меня большой добрый цикл: мне удалось, благодаря помощи «земляков» переселиться в «барак для избранных», попасть в новый коллектив с большими перспективами и, что, пожалуй самое главное, получить «блатную должность» в бухгалтерии лагеря.

А все это было, ох, как непросто!

Тому предшествовали совсем уж не светлые времена.

Начать с того, что зона, в которой все это случилось, была не обычная для отдаленного знаменитого «Воркутлага», а строгорезимный лагерь для «контриков», образованный в 1949 году.

Зона, из серии специально оборудованных на севере Воркутинского бассейна, с самыми неудобными местами обитания и наиболее тяжелыми условиями работы.

Нас, «контриков», по-видимому, зауважали. Нас стали бояться и решили отделить от прочего «уголовного элемента».

Здесь, в одном из самых захолустных уголков Воркутинского угольного бассейна, где в излучине речушки было все, будто природой специально предусмотрено: архитекторами, строителями, администрацией, еще доведено до совершенства, для того, чтобы жить и работать было трудно, неудобно, сложно, а подчас и просто опасно. Собрано все, что делает жизнь человека невыносимой: и недостаток кислорода дальнего севера, и неуравновешенный климат приморского Заполярья, где сплошная голая тундра без лесов открыта всем ветрам, и поистине каторжные условия существования.

Для нас освободили старую неудобную зону, еще усилили ее режимными прибабками. Оставили без изменения старые бараки, вросшие в покореженную судорогами вечной мерзлоты землю. Собрали обслуживающий персонал и надзорную службу из тупых, ленивых и конечно же грубых служак, которым не нашлось места в других поселках Воркуты.

Да и откуда же взять было умных, тактичных для тех краев? Кто же еще поехал бы добровольно работать туда, в поселок Аяч-Яга, где условия и для вольнонаемных мало чем отличались от тех, в которых приходилось жить заключенным?

Шахтеры – специалисты, асы своего дела, собранные по признаку политического недоверия к ним из других лагерей комбината, жаловались, что все три шахты управления похожи

на крысиные норы. Работать навалотбойщикам приходилось лежа, пробираться вдоль по лаве «по-пластунски».

Уголь скверный, условия его выработки и того хуже.

Эти шахты, после открытия новых, с мощными пластами и коксующимися углями, хотели законсервировать, да, пока не разрешало министерство.

Для нас было совершенно безразличны все эти усиления режима и бдительности надзирателей и охраны. Наплевать на то, что зона огорожена сооружением из столбов высотой почти в полную сосну, а по ширине «запретная зона» в несколько раз превышала все виденные нами доселе, и что конвой состоял из солдат с проверенной благонадежностью и особого набора.

Совсем не существенно было и то, что на вышках дежурят по двое солдат с телефонной связью с вахтой и при передаче дежурств они обзывали нас всякими нехорошими словами и не просто сами по собственной инициативе, а согласно официальному уставу режимной службы.

Да дежурьте вы себе хоть по десятку на каждой вышке и плюйте в нашу сторону при смене караула – докажете только свою дикость нравов, а нам от этого хлебная пайка не добавится, кислее не станет!

Слава Тебе Господи, что не догадались в бараках на ночь запирасть, как во многих спецлагах! Слишком большой был лагерь, трехсменная работа, да снежные заносы помогли нам на этот раз.

Однако мы все еще с детства воспитаны с твердым убеждением, что на севере без меховой одежды не прожить никак, там человек без меха обречен. А у нас были только старенькие бушлаты на вате, да валенки «тридцать третьего» срока.

Убеждены были также в том, что питаться там необходимо мясом, сгущенкой, да шоколадом досыта... А мы жили вечно голодными и кусок соленой, «кожемитовой» рыбы был главной пищей, дающей белок организму, а кусок хлеба да перловая каша – источником силы и здоровья.

А вот ограничения в переписке для режимного лагеря – это уж внеочередное ущемление наших интересов и очередная подлость тюремщиков! Бессовестное лишение людей единственной радости в их судьбе кому-то видимо доставляло удовольствие.

В общем, оказался я опять, несмотря на опыт, приобретенный шестилетней стажировкой в лагерных условиях, природную сноровку и все свои «таланты» на мели, как рыба, выброшенная на берег...

Была еще хоть какая-то надежда на поддержку «земляков».

Причем «земляки» – это не только мои «хохлы», а больше те, с кем уже встречался раньше в зоне. И когда-то может кому-то чем-нибудь помог.

«Земляки» с прежнего твоего места обитания могли быть свидетелями недостойного твоего поведения в прежнем лагере или стать при нужде поручителями твоей порядочности и благонадежности, если ты показал себя там Человеком в лагерном понимании.

Понятие «рука руку моет» применялось на практике...

Но «земляки» не могли пока помочь, «руки мыли» другие, а мне помощи никто не предлагал...

Я, по своей категории труда и состоянию здоровья, определенному полуслепой бабусей-доктором из вольнонаемных, со злым прикусом выщербленных зубов, в застиранном халате с запахом анатомки, обрел должность зольщика на шахте. Без всякой надежды на какие-либо перемены в ближайшем будущем.

Работа оказалась бездарной, неуважаемой, и обеспечивала по установленной котировке труда полуголодное существование.

Безусловно, в шахте труд был тяжелее, но он ценился значительно выше. Любой из шахтеров чувствовал бы себя ущемленным, если его пытались перевести на поверхностные работы.

Внизу, в мрачном подземном царстве, с теми, кто уже втянулся в эту работу, по привычке к темноте, освещаемой только «шахтерками» – светильниками на касках, были все же свои преимущества. Там была какая-то видимость самостоятельности и вынужденная, как всегда при угрозе стихии поддержка товарища. Там, с постоянным риском для жизни, рядом, плечо к плечу с заключенными и каторжанами, трудились вольнонаемные. Переодетые в свою черную спецовку люди теряли признаки своего правового статуса, становились просто шахтерами и поневоле поддерживали простые товарищеские отношения.

Там, под землей, настолько перемешались права и обязанности всех, заключенных и «вольняшек», взаимовыручка горняков и добрая поддержка в сложных ситуациях, что почти стерлись, а иногда и сместились до неузнаваемости границы режимных взаимоотношений на всех уровнях, начиная от взрывника, мастера, слесаря или механика и до руководителя самого высокого ранга.

И ни один оперуполномоченный не мог бы, не только навести в этих отношениях «революционный порядок», но и просто разобраться для себя в их хитросплетениях.

И в зоне к горнякам отношение было всегда совсем иное, чем к другим рабочим.

Это были передовики производства, как бы люди с передовой. Они были под защитой «старшего товарища» – начальника Шахтоуправления.

Шахтеры иногда и погибали там, в глубоком подземелье, и калечились, но зато были трудовой основой всей «Заполярной кочегарки» носителями идеи, ради которой построен и лагерь, и шахты и существовала вся эта Воркута.

Главное для них заключалось в том, что они были сыты.

Не мудрено, что шахтеров в зоне кормили значительно лучше, чем других рабочих и поощряли в бытовых условиях всем, чем могли, а иногда даже прощали «милые шалости» – нарушения дисциплины и лагерного режима.

Мне казалось даже, что я ни за что не съел бы такое количество продуктов, которые выкладывали в столовой на подносы горнякам!

Я чувствовал, что постепенно, медленно теряю силы:

Систематическое недоедание, тяжелый труд в отравленном воздухе без вентиляции, на фоне общих «благ» заполярья неуклонно толкали меня в тупик – к тому состоянию, из которого выхода в этих условиях вообще не существовало.

На железную тачку – «малую механизацию» – приспособление для вывозки шлака с тех пор я не могу смотреть без содрогания.

Долгое время потом еще, я вскакивал по ночам в холодном поту, когда снилось, как я пытаюсь изо всех сил вытолкать по настилу из истертых досок, вверх к площадке отвала, парующую адской серной вонью, это приспособление со шлаком. И, не удержавшись на ногах, катился вместе с тачкой под откос, обжигая горящим шлаком руки и лицо.

Меня знали и уважали в лагере уже многие по прежним местам встреч. И приглашали к себе в гости, старались подбодрить, поддержать добрым словом, подкормить в меру своих возможностей...

Но, не могли же они идти за меня на смену, дышать серной гарью котельной, грузить вонючим шлаком мою тачку и выталкивать по настилу, на гору отвала...

Не могли также постоянно делиться своим куском хлеба.

У каждого судьба своя, свой крест и свой заработанный тяжелым трудом кусок.

Я замкнулся в себе, слабел с каждым днем и медленно, без остановки, двигался к больничной койке, где тоже не лечили, так, как просто было нечем лечить, не было лекарств и обо-

рудования. Там, просто, представляли возможность немного отлежаться и отдохнуть, в тесном тепле, но на серых застиранных простынях и ватных слежавшихся подушках.

Кормили там, так, чтобы хоть не умирали.

А потом, недели через две такого «лечения», с определившимся диагнозом хронических заболеваний и пониженной категорией состояния здоровья (ЛФТ – легкий физический труд) определялась дальнейшая форма существования: прямой путь в «актировку».

«Активка» – понятие фатально-мрачное. Это – команда слабосильных. Это нищие из лагерной богадельни

Официально это была не востребовавшая категория работяг, которую по состоянию их здоровья не принимал уже для использования ни один потребитель рабочей силы – так называемые контрагенты.

Пришли времена хозяйственного расчета. Каждый хозяин учился считать свои деньги.

А это и определяло правовой статус каждого работника.

«Активка» была балластом лагеря! Она, как истинный иждивенец, проедала средства, ничего не зарабатывая для хозяйства.

Физически сразу уничтожить бы эту «вшивую команду» отработавшую свой трудовой ресурс, вот и решены были бы все проблемы – такое решение еще несколько лет тому назад было бы самым реальным, желанным для чекистов и исполнимым, но уже в послевоенные годы большевики не могли на это решиться.

Они просто предоставили возможность этим людям самим умирать.

А пока еще они были живы – их использовали на хозяйственных работах, которых всегда вокруг уйма: на очистке снега, разделке дров, уборке территории, да еще в похоронных командах. Объем труда никем не учитывался, а затраты на содержание активовались каждый день специальным документом.

Вот и получалось, что каждый день, вертелись «доходяги» на бестолковой суете по распоряжениям больших и малых начальников, а почитались все равно тунеядцами.

Кормили «активированных» скверно – почти так же, как больных в санчасти – лишь бы не передохли с голоду, по так называемому «гарантийному пайку» – как кормят в тюрьмах. Доведенные до отчаяния «доходяги» побирались в столовой, вылизывали миски, их можно было видеть у мусорных ящиков, они, укрываясь где-нибудь в укромном месте, разжигали костры, варили в банках из отходов что-то вонючее, условно-съедобное и поедали, обжигаясь со звериной жадностью. Многие из них для того чтобы заглушить чувство голода и заполнить пустоту в желудке пили воду... Много воды. Подтверждая своей неестественной полнотой лагерную сентенцию о том, что кубометр воды заменяет сто грамм сливочного масла...

Одевать «активированных» было невыгодно для хозяйства. И они донашивали то, что было у каждого «с доброго времени» или что собиралось в каптерке «недоизношенное» и недоворованное, приготовленное для списания в утиль.

Считалось тогда, что стать на ноги тому, кто оказался в бараке «активки» было уже практически делом почти невозможным.

Имя по лагерной кодификации у них было «доходяги».

Здесь проходила граница раздела социальных групп лагеря. Эта граница от тех, кто мог еще трудиться, жил надеждой, не терял оптимизма, отделяла жестко и с презрением отбрасывала от себя ту группу людей, которой уже невозможно было помочь. Они потеряли здоровье, не могли уже «обрабатывать себя», становились изгоями даже в том каторжном обществе.

У «доходяг» даже психология резко отличалась от всех остальных обитателей лагеря. Они забывали свое прошлое, с иронией относились к тому, кем были раньше, чем жили до своего несчастья, опускались часто почти до крайней степени: умывались редко, в баню водили

их строем нарядчики и санитары, когда приходило их время по графику. А они тогда прятались, разбегались. Беспокоились о них только потому, чтобы оттуда не возник очаг эпидемии.

Баракы, где обитала «активка» почти не убирались, и, конечно же, насекомых было там столько, что не умещались в настилах нар и свободно расползались по полу. Окна, заложенные снаружи снегом для утепления, зияли грязными украшениями в промежутках между вагонками и казались грубой подделкой, помещение едва освещалось небольшими электрическими лампочками.

Никому конечно и в голову не приходило проветривать помещение – нужно было беречь тепло и воздух, состоял из застоявшихся частиц сырой прели, смешанной с испарениями немытых тел и мокрого тряпья.

— Глава 3 —

Я так подробно рассказываю о своих проблемах и обстановке в лагере, что и ощущения лучше воспринимаются изнутри, а я приглядывался к жизни этого слоя общества, потому, что в конце зимы уже совсем почувствовал, что не удержусь на уровне зольщика и покачусь дальше вниз с конечной остановкой в этой «вшивой команде».

А еще потому рассказываю, что вскоре, всего через несколько месяцев в числе десятка вновь прибывших в нашу зону пополнил ряды этой команды и Федор Федорович.

Я был тогда молод, и как мне ни было тогда тяжело, все же у меня еще сил и энергии было больше, чем у него, после «лечения» в больничном городке с зачислением его в группу временной инвалидности.

Я тогда выжил, увернулся еще и в тот раз от попадания в ту воронку и по наитию, случайно, не целясь, угодил в «десятку»:

В один из редких выходных дней, когда от нечего делать я перебирал свой вещевой мешок, выкладывая на нары его содержимое, и развернул свой «золотой запас».

А там были рулончик ватманской бумаги со связочкой карандашей – истинное сокровище для лагеря, унесенное со склада на прежнем месте работы.

И посетили меня вдруг забытые ощущения...

Захотелось неожиданно вдруг размять свои огрубевшие пальцы и порадовать себя, отупевшего, отравленного газами, несколькими минутами забытого приобщения к Красоте.

Как обычно при прикосновении к хорошей бумаге мне с огромной благодарностью вспомнился дед Фоменко – случайный учитель, питерский художник, мотавший тогда второй свой срок в одном лагпункте и даже в одном бараке со мной.

Он, с трудом разгибая негнувшийся позвоночник, собирал молодых ребят вокруг себя, усаживал посреди барака какого-нибудь натурщика – любителя покрасоваться своей персоной и обучал нас азам портретного рисунка.

За такой работой тогда забывалось все.

Днем же, когда мы были на работе, старый художник около окошка создавал на бумаге, величиной с открытку, свои шедевры.

Это были миниатюры великого мастера.

Мы же, потом, через вольнонаемных, постоянно получающих материалы с базы, отсылали рисунки в Ленинград дочери художника.

Может быть, они и сохранились где-нибудь эти открытки?

Времени для общения с Учителем нам отпущено было немного, но кое-чему я все же у него научился.

Главное, пожалуй, из прочего – уважению и трепетному отношению к тому, что создал сам.

Я разыскал в тумбочке своего бригадира фотографию его жены, нашел в бараке наиболее освещенное место, приколот к крышке фанерного чемодана листок ватмана и принялся за работу. И за любимой работой забылось вдруг все, что окружало меня тогда: и мрачное настроение, и пурга за стенами барака, и холод, и голод, и вся бесперспективность самого существования на этом свете...

Мне нравилось лицо молодой женщины на снимке, работал я с увлечением, мечтая в то же время попутно и о том, что работа моя сулила и дополнительный кусок хлеба.

В бараке было пусто и тихо. Хотя далеко не тепло...

За стенами барака зло бесновалась непогода.

А я, временами разогревая под телогрейкой леденеющие пальцы, творил портрет незнакомой красавицы. И мне уже казалась она живой и черты лица ее удивительно кого-то напоминали, и это согревало меня откуда-то изнутри...

Потом в барак зашел пожарник с широким прорезиновым ремнем, подтверждавшим его полномочия.

Потопал у дверей, сбивая снег с валенок, подошел со спины и поздоровался почти шепотом, чтобы не мешать.

Это был мой «земляк» по зоне кирпичного завода Яша Юнгман – и искренний при этом приятель.

Он тактично пощелкал языком, полюбовавшись портретом, и удалился на цыпочках, стараясь ступать как можно тише.

Я заработал тогда свою пайку хлеба за работу, а еще – благодарность бригадира, что стоило тогда для меня очень много.

А еще и внеочередной отгул...

Поступили первые заказы на исполнение портретов с натуры. Для своих родственников – сфотографироваться ведь было негде!

А чуть попозже, когда основная масса рабочих смены отправилась в столовую обедать, и барак опять погрузился в мрачную тишину, вдруг появился начальник пожарной дружины лагеря Конрад Шмидт в сопровождении того же пожарника Яши.

Доложил-таки «земляк» по инстанции!

– Ну-ка, покажи! – Потребовал начальник тоном, к которому привык у себя в команде.

Портрет уже висел на стенке, прибитый гвоздиками над постелью бригадира.

– А я и не знал раньше, что ты художник!

– А что бы было, если бы знал?

– Быть бы тебе уже пожарником! Ну да это еще не поздно! Вместо дежурств будешь портреты рисовать! Я уж добьюсь своего! Завтра приходи в наш барак после девяти – будет здесь наш капитан – он не сможет нам отказать. Зачислит в команду, никуда он не денется! А может и грек чем-нибудь поможет. Портрет с собой прихвати!

– Да неловко, Коля! Я же уже его продал. За пайку. И, кроме того, мне же завтра на смену выходить!

– Да это мы сейчас договоримся с твоим «бугром»! Пожарники пока везде в законе! Отгул за прогул!

И договорился-таки!

Уже через неделю я увеличил и раскрасил цветными карандашами портрет дочери капитана – шефа пожарной охраны нашей зоны, а он за это разрешил мне жить в бараке, где квартировали пожарники, и обещал поддержку при оформлении в свой штат.

Шмидт же в дополнение к тому выхлопотал для меня медицинское освобождение от работы на целую неделю.

Казарма пожарников занимала с переднего торца треть барака построенного в самом центре жилой зоны лагеря.

Это было, как и все строения в зоне, здание каркасно-засыпного типа.

А это значит, что сооружено оно было на основе каркаса из тонкого подтоварника, обитого с двух сторон тесом, с заполнением пустого пространства между досками шлако-опилковой смесью. Под шатровой кровлей, покрытой тесом, перекрытие тоже засыпалось слоем того же утеплителя.

Барак приобретал жилой вид после штукатурки стен с двух сторон.

Я подсмотрел однажды технологию капитального ремонта «каркасно-засыпного» строения.

Разборка его не заняла много времени. Строители умело рушили стойки основания одновременно с разных сторон и здание осело, превратившись в груды сырого мусора, совершенно непригодного не только для повторного использования, но и для растопки в печи.

Оказывается единственным здоровым элементом и утепляющим слоем, обеспечивающим зимой сохранение тепла и жизни внутри такого жилища до последнего дня его существования и был вот этот самый тонкий намет штукатурки между ячейками драночной сетки, который легко можно было проткнуть пальцем.

На зиму, бесконечную зиму заполярья, когда морозы часто держатся на отметке 30 градусов, а подчас достигают и сорока, а бураны бывают такой силы, что могут без особых усилий разметать или унести по частям как игрушку все это утлое сооружение, для сохранения его самого и тепла внутри его, оно обкладывалось брусками, из уплотненного снега.

Буранами бараки почти всегда заметались до уровня конька крыши и в жилище приходилось нырять вниз, как в нору.

Этот барак, часть которого представлена под служебное помещение и общежитие пожарников, был еще совсем новым. Он еще не пропитался сыростью, даже столбы внутри еще не утратили естественный цвет дерева и сквозь бытовые запахи человеческого жилья пробивался иногда аромат сосновой древесины.

Вместимость помещения по лагерным меркам с двухэтажными «вагонками» совсем уж небольшая – человек на 12—15.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.